

Какъ Вы стали писателемъ?

Анкета „Иллюстрированной Россіи“ среди русскихъ писателей

М. А. Алдановъ

Первой моей книгой былъ трудъ по химіи подъ длиннымъ заглавіемъ: «Законы распределенія вещества между двумя растворителями». Напечаталъ ее въ 1911 году университетъ, наградившій меня золотой медалью. Въ послѣдовавшіе затѣмъ три года я помѣстилъ немало научныхъ статей въ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ химическихъ журналахъ.

Всѣмъ извѣстно странное, смутное, тревожно — радостное ощущеніе, которое испытываетъ авторъ, впервые читая свое произведение въ печатномъ видѣ: вѣдь между рукописью и печатнымъ текстомъ цѣлая пропасть (ставшая, правда, менѣе глубокой со времени изобрѣтенія пишущихъ машинъ). Но, вслѣдствіе сказаннаго выше, моя первая не-химическая книга мнѣ такого ощущенія не дала: уже была привычка къ корректурѣ, къ гранкамъ, къ версткѣ. Книга эта «Толстой и Ролланъ» была написана мною въ 1913 году въ свободное отъ лабораторной работы время и появилась въ Петербургѣ въ изданіи «Энергіи». Напечаталъ я ее, впрочемъ, на свой счетъ, издательство лишь «дало фирму».

Неожиданно для меня, на долю этой книги выпалъ успѣхъ. Помню утро: я зашелъ въ кофейню, заказалъ кофе и развернулъ свѣжій номеръ «Рѣчи». Тамъ была длинная, чрезвычайно лестная рецензія покойнаго Ю. И. Айхенвальда (съ которымъ я познакомился лишь много позднѣе). Честно говорю: это была одна изъ лучшихъ радостей, выпадавшихъ на мою долю въ жизни. До того я встрѣчалъ упоминаніе о себѣ въ научной пе-

чати, велъ даже на страницахъ Французской Академіи Наукъ споръ съ профессоромъ Бергело. Но, разумѣется, ни въ какое сравненіе съ ощущеніемъ отъ первой лестной литературной рецензіи это идти не можетъ.

Зато, пожалуй, еще острѣе впечатлѣніе отъ первой нелестной рецензіи; ее обо мнѣ написалъ (о той же книгѣ) Чехихинъ — Вѣтринскій. Не могу безъ улыбки вспомнить: при встрѣчѣ съ каждымъ знакомымъ я себя спрашивалъ, читалъ ли онъ рецензію Вѣтринскаго.

Романистомъ же я сталъ лишь въ эмиграціи. Но тутъ и вспоминать нечего: привычка вытравляетъ сильныя ощущенія очень скоро.

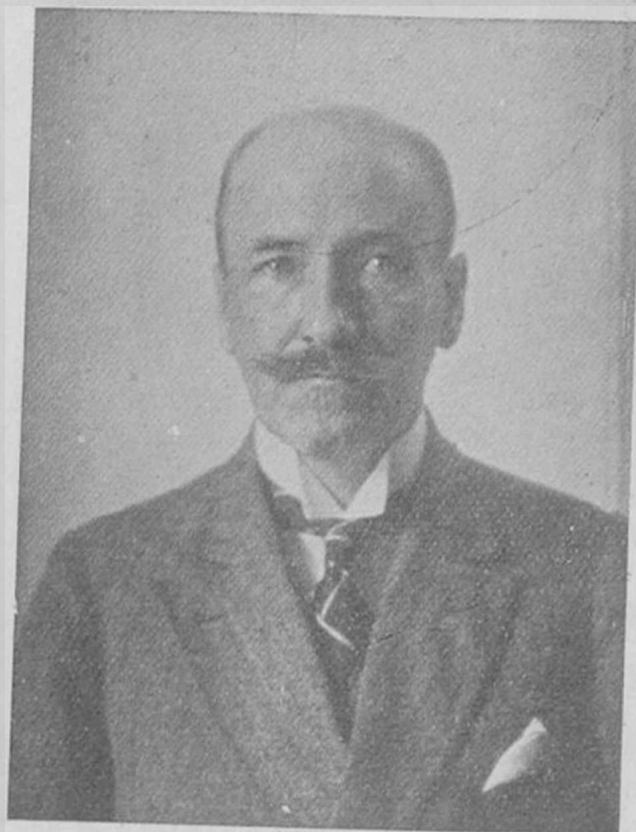
Кн. В. В. Барятинскій

Я, съ самой ранней юности, мечталъ стать писателемъ. Будучи еще кадетомъ старшихъ классовъ Морского Корпуса, сочинялъ пьесы и рассказы. Среди моихъ товарищей былъ Терпигоревъ, сынъ извѣстнаго въ тѣ времена, теперь уже забытаго, писателя Сергѣя Атавы, автора «Окудѣнія». Это было мое первое знакомство съ представителемъ литературнаго міра: мой товарищъ представилъ меня своему отцу. Черезъ посредство С. Н. Терпигорева — Атавы я познакомился съ Д. В. Григоровичемъ, что явилось для меня настоящимъ событіемъ: лично знать автора «Антонъ Горемыки» и «Рыбаковъ»!... А мнѣ тогда было лѣтъ семнадцать — восемнадцать... Григоровичъ отнесся ко мнѣ ласково и внимательно, когда я, послѣ долгихъ колебаній, рѣшился попросить его прочесть мой первый литературный опытъ — комедію въ трехъ дѣйствіяхъ. Комедія эта была, конечно, нескладна, но Григоровичъ нашелъ въ ней какія то смутныя достоинства; въ частности, онъ одобрилъ живость діалога.

Нѣсколько лѣтъ спустя, А. С. Суворинъ говорилъ мнѣ, что Григоровичъ показывалъ ему мое произведеніе. — «Ерунда это была», — смѣясь повѣдалъ мнѣ А. С.: «но мы рѣшили, что изъ васъ можетъ выйти прокъ».

Въ то время по всей Европѣ прогремѣла пьеса, начинавшаго входить въ славу, Анри Лаведана — «Князь д-Орекъ». Ставилась она и въ Петербургѣ на сценѣ Михайловскаго французскаго театра. Григоровичъ былъ отъ нея въ восторгѣ и указалъ мнѣ на нее, какъ на образецъ современной комедіи — сатиры. Попутно, онъ сказалъ, что образцомъ романа считаетъ романъ Бальзака «Отецъ Горіо».

Пьесу Лаведана я, само собою разумѣется, немедленно — же пошелъ смотрѣть; она произвела на меня большое впечатлѣніе и, дѣйствительно, научила меня самой технике писанія комедій: умѣню чередовать въ извѣстномъ порядкѣ отдѣльныя «явленія», группировать на сценѣ дѣйствующихъ

КН. В. В. БАРЯТИНСКІЙ

лицъ, избѣгать длинныхъ монологовъ и нагроможденія «эффектовъ» и т. п.

Кстати сказать, такую — же поучительную для меня роль сыграла комедія Александра Дюма — сына, «Другъ женщинъ», которую я въ 1895 г., пріѣхавъ впервые въ Парижъ, увидалъ на сценѣ «Французской Комедіи».

Но все это относится лишь къ робкимъ, юношескимъ шагамъ по пути къ литературной дѣятельности. Первые мои статьи появились въ 1895 г. въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», только что тогда перешедшихъ къ кн. Э. Э. Ухтомскому; но и эти статьи, въ виду ихъ незначительности, я не могу считать за начало моей литературной дѣятельности. Таковымъ явились мои сатирическіе фельетоны, печатавшіеся, за подписью «баронъ Ondit», въ теченіе двухъ лѣтъ (1896 — 97 г. г.) въ «Новомъ Времени»; они были изданы въ послѣдствіи отдѣльнымъ сборникомъ подъ общимъ заглавіемъ — «Потомки».

Первые — же мои драматическія произведенія — комедіи «Перекаты» и «Карьера Наблюдкаго» были представлены зимою 1901 — 1902 г. г. въ Петербургѣ на сценѣ «Новаго Театра».

Г. Д. Гребенщиковъ

Г. Гребенщиковъ, сынъ крестьянина, шахтера на Иртышскихъ рудникахъ, уроженецъ таежной деревни Сибири, сталъ большимъ русскимъ писателемъ и творчествомъ своимъ показалъ, какъ духовно богатъ и плодотворенъ русскій народъ. Его талантъ не знаетъ преемственной культурной шлифовки ряда поколѣній. Онъ самъ себѣ литературный родоначальникъ.

Росъ онъ въ вопіющей бѣдности и въ

М. А. АЛДАНОВЪ

Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

жизнь вступилъ съ той грамотой, которой научила его мать, сама - то умѣвшая кое - какъ читать и писать.

Любознательный, энергичный юноша, не удовлетворился удѣломъ подмастерья у деревенскаго сапожника, рѣшилъ «выйти въ люди» и, когда ему минуло 16 лѣтъ, ушелъ въ гор. Семипалатинскъ, гдѣ поступилъ фельдшеренкомъ въ городскую больницу. На него обратилъ вниманіе докторъ, давалъ читать книжки. Гребенщиковъ всѣ свои свободные часы отдавалъ самообразованію, чгению, сталъ писать въ прозѣ и стихахъ, и черезъ 4 года рассказы его стали появляться въ сибирскихъ газетахъ.

Въ 1910 г. Гребенщиковъ издалъ свою первую книгу — поэму «Киргизъ», затѣмъ вышли сборники рассказовъ: «Въ просторахъ Сибири» и «Родникъ въ пустынь».

Во всѣхъ своихъ рассказахъ Гребенщиковъ проявилъ себя тонкимъ художникомъ, съ большимъ подъемомъ искренне, любовно, захватывающе описавшимъ «отверженную Русь», сурово - величавую, раздольную Сибирь и въ то-же время полную человѣколюбія и душевной теплоты.

Затѣмъ Гребенщиковъ въ теченіе семи лѣтъ работалъ надъ романомъ - эпопеей «Чураевы» — вещью большого творчества, въ которомъ разворачивается глубокая драма русскихъ исканій.

Бор. Зайцевъ

Та, «первая» моя газета называлась «Курьеръ». Помѣщалась въ Московскомъ переулкѣ, близъ Тверской, въ большомъ нарядномъ домѣ. Тамъ - же и типографія. Редакторомъ былъ маленькій хромоу Фейгинъ, Яковъ Александровичъ. Литературу читалъ Леонидъ Андреевъ. Это были мои заступники. А марксисты Шулятиковъ, Фриче — «враги человѣка».

Никогда не забуду, какъ при мнѣ Фейгинъ прочелъ первую мою вещь, за своимъ редакціоннымъ столомъ, посмотрѣлъ на меня сквозь пенснэ, улыбнулся, сказалъ: «Ваша рукопись пойдегъ».

Былъ это очеркъ, строкъ на двѣсти. Когда онъ появился, и я увидѣлъ въ печати свою подпись, то представилось, что земная ось нѣсколько отклонилась, и вообще въ мірозданіи кое что стало по другому.

Цѣлый годъ, однако, не рѣшался идти за гонораромъ — хотя потомъ напечатали еще два - три рассказика. Казалось, скажутъ въ

конторѣ: «Гонораръ? Да вѣдь вы еще студентъ, это просто такъ, изъ любезности напечатано!». Наконецъ, Леонидъ Андреевъ обнадежилъ. Все таки я шелъ со страхомъ.

Контора помѣщалась отдѣльно, въ Петровскихъ линіяхъ. За рѣшеткой барышня что то писала. Вопросу моему не удивилась. Стала искать въ конторскихъ книгахъ. «За первый рассказъ по три копѣйки строчка, а за остальные по пяти. Распишитесь. Сорокъ пять рублей». И выдала мнѣ гонораръ чистымъ золотомъ. Имперіалами, съ профилемъ Государя.

По тѣмъ временамъ это считалось маленькая плата, для начинающихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ я получалъ во много разъ больше. Но... и пять золотыхъ копѣекъ — это пятьдесятъ сантимовъ!

Торжественно позвякивало у меня въ карманѣ злато, когда извозчикъ везъ домой. Деньги мнѣ тогда совсѣмъ не были нужны. Но они выражали мою кому - то нужность и веселили.

Б. К. ЗАЙЦЕВЪ

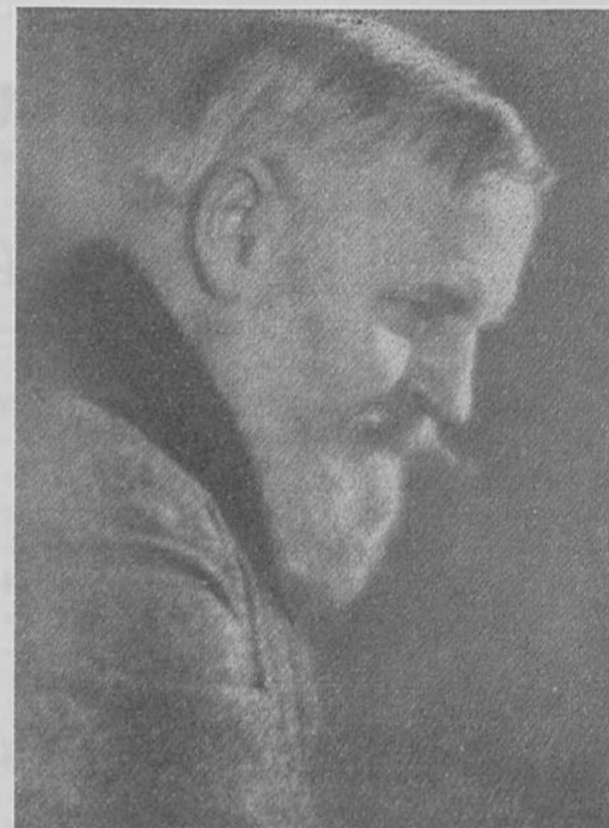
К. А. Коровинъ

Какъ я началъ писать? Какъ на это отвѣтишь?

Былъ я боленъ, живописью заниматься не могъ, лежалъ въ постели. И сталъ писать перомъ — рассказы. Закрывая глаза, я видѣлъ Россію, ея дивную природу, людей русскихъ, любимыхъ мною друзей, чудаковъ, добрыхъ и такъ себѣ — со всячинкой, которыхъ любилъ, изъ которыхъ «иныхъ» ужъ нѣтъ, а тѣ далече...

И они ожили въ моемъ воображеніи, и мнѣ захотѣлось рассказать о нихъ...

На-дняхъ сѣлъ въ автобусъ АС, вижу — сидитъ знакомый серьезный такой человѣкъ, цѣпитель искусства. Поздоровались издали. Остановка. Онъ выльзаетъ, а мнѣ дальше ѣхать. Онъ проходитъ мимо меня и строго такъ говоритъ: «Теперь лучше» — и слѣзаетъ. Я ему вдогонку кричу: «Ну слава Богу, поздравляю, кланяйтесь». А онъ мнѣ раньше говорилъ — жена у него больна сердцемъ, боялся, не умерла бы. Встрѣтилъ я его иско-

К. А. КОРОВИНЪ

рѣ въ кафѣ и говорю: «Ну вотъ, поправилась супруга ваша?»

Онъ сердито смотритъ на меня и говоритъ:

— Она уже три мѣсяца не встаетъ съ постели, больна.

— Какъ? А вы въ автобусѣ сказали: теперь лучше.

— Ну вотъ. Такъ я вамъ сказалъ, что теперь вы пишите лучше, а совсѣмъ не про жену...

Подумайте, какъ вышло нехорошо...

LOLO

КЛОЧКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ПРОЛОГЪ

Увы, я немощень и старъ, —
Склерозъ, подагра и катарръ...
И духъ мой творческій угасъ,
И дремлетъ старый мой Пегасъ.

Я вспоминаю о быломъ,
Когда онъ прыгать могъ козломъ,
И Муза юная моя
Перепѣвала соловья!

Ахъ, все прошло, какъ въ сладкомъ снѣ...
Тоска въ груди, тоска въ спинѣ...
Я избѣгаю жгучихъ темъ, —
Чтобъ не случилось, — глухъ и нѣмъ.

Вокругъ темно. Невидно зги...
Но... помню первые шаги, —
И, на закатѣ хмурыхъ лѣтъ,
Я на анкету дамъ отвѣтъ.

I.

«Куда, куда вы удалились,
Златые дни моей весны»,
Очаровательные сны,
Тѣ, что на утрѣ дней приснились.
И въ наши сѣрые года
Не снились больше никогда?

LOLO

Писать стихи я начал рано.
Когда мнѣ было восемь лѣтъ,
Любилъ подъ звуки фортепьяно
Слагать безхитростный куплетъ
Я былъ влюбленъ въ свою кухню —
И вдохновенно восхвалялъ
Свою любовь, свою «кручину»
И первый балъ, чудесный балъ.

Амура первые уроки,
Стихи о первомъ балномъ снѣ...
Меланхолическія строки
Еще я помню. Вотъ онѣ:
— «Печально въ думу углубившись,
Сидѣлъ на стулѣ я одинъ
И отказался, извинившись,
Когда мнѣ дали апельсинъ».
Зерно грядущаго недуга, —
Скорбь одинокаго досуга:
«Одинъ на стулѣ...» Тяга къ «ней»...
Задумчивость — моя подруга
«Отъ самыхъ колыбельныхъ дней».

II.

Прошли года. Ищу «дебюта»,
Для музы милаго пріюта.
Пришелъ въ редакцію «Семьи»,
Еженедѣльнаго журнала.
Здѣсь не понравились сначала
Стихи весенніе мои.
Редакторъ мнѣ даетъ картинку:
«Горшки съ цвѣтами»... На горшки
Я настроилъ ему стишки, —
И мой дебютъ летитъ въ корзинку...
Тернистъ и труденъ къ славы путь.
Боюсь на шефа я взглянуть
«Фривольно!» — молвитъ онъ сурово.
— «Горшокъ» — двусмысленное слово —
Я бормочу ему въ отвѣтъ:
«Прошу мнѣ дать другой сюжетъ».
— «Семью» читаютъ вслухъ при дѣтяхъ.
Вотъ вамъ рисунокъ: «Ночь въ лѣсу».
Воспойте всю ея красу,
Но безъ двусмысленностей этихъ!

Я «Ночь въ лѣсу» домой несу.
Всю ночь пою ея красу —
И вотъ, мои стихи въ журналѣ...
Рыдаютъ звуки нѣжныхъ струнъ, —

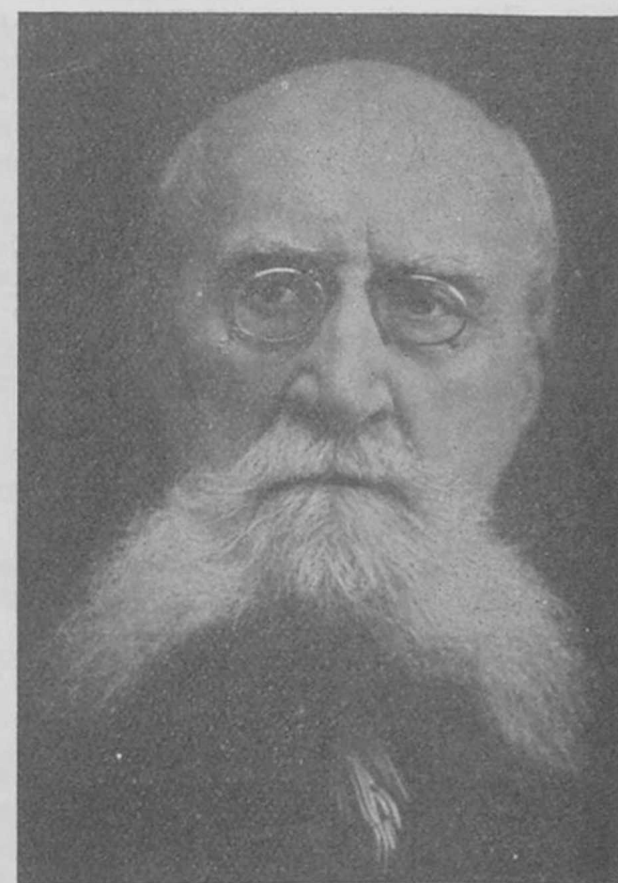
И мнѣ казалось (я былъ юнъ)
Что сразу всѣ меня признали...
И для меня былъ полонъ чаръ
Мой первый скромный гонораръ.

ЭПИЛОГЪ

«Куда, куда вы удалились,
Моей весны златые дни?»
Погасли вѣшніе огни...
Мы потускнѣли, опустились, —
Мы въ зарубежьи очутились...
Какъ ночь, грядущее темно...
Зачѣмъ гаданьемъ забавляться?
На свѣтѣ счастье есть одно:
Совѣмъ на свѣтѣ не появляться!..

P. S. — Я прилагаю мой портретъ.
Со мною — милый песикъ Джеки —
Онъ вѣренъ, преданъ мнѣ на-вѣки.
Такихъ друзей ужъ больше нѣтъ.
Какъ не любить четвероногихъ?
Мой Джеки чуждъ людскихъ страстей —
И ужъ, конечно, лучше многихъ
Двуногихъ сукиныхъ дѣтей!..

L.

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧЪ - ДАНЧЕНКО

нихъ не осталось ни слѣда. Помѣщались эти строфы въ кадетскихъ рукописныхъ журналахъ и не мало за нихъ я съѣлъ затрещинъ отъ завистливыхъ товарищей. А черезъ три года я написалъ свой первый очеркъ и послалъ его въ журналъ для военно-учебныхъ заведеній. Послалъ и забылъ о немъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Вдругъ взволнованный дежурный офицеръ, передъ самымъ обѣдомъ, на всю залу благимъ матомъ:

— Немировичъ — Данченко!

Съ трудомъ отрываюсь отъ моихъ любимыхъ фоліантовъ «Путешествія Дюмонъ Д-Юрвиля».

— Что прикажете?

— Къ директору.

Съ чего бы, думаю. Наскоро осмотрѣлся все ли у меня въ порядкѣ. Генераль особенно внимательно слѣдилъ, хорошо ли пришиты гербами вверхъ мѣдныя пуговицы на мундирахъ и чисты ли ногти.

Большой весъ въ книжныхъ шкапахъ кабинета. Въ синихъ занавѣсахъ окна. За ними чудесный садъ. Громадный письменный столъ. Изъ за него подымается длинная фигура его превосходительства. Глаза строгіе изъ подъ нахмуренныхъ сѣдыхъ, торчкомъ бровей, а на губахъ улыбка.

Вытягиваюсь во фронтъ. Руки по швамъ, глаза въ глаза ему по правиламъ.

— Такъ!

Въ рукахъ у генерала тощая книжка журнала.

— Твое?

Указательный палецъ упирается длиннымъ ногтемъ въ заголовокъ какой то статьи.

— Такъ точно, ваше п-во!

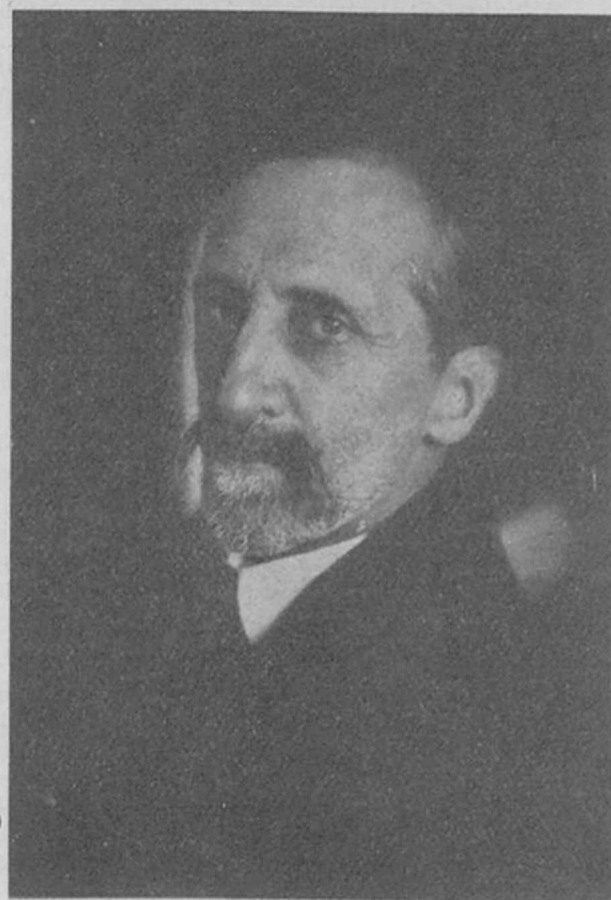
Съ удивленіемъ мѣряетъ меня изъ подъ очковъ съ головы до ногъ.

— Самъ написалъ? Который вамъ (переходъ на «вы», нельзя же тыкать писателя!) годъ?

— Въ декабрѣ двадцать четвертаго будетъ пятнадцать.

— Хорошо написано! Очень хорошо!.. Никто не исправлялъ?

— Никакъ нѣтъ.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ

Въ видѣ отвѣта на нашу анкету Д. С. Мережковский прислалъ намъ автобіографическую замѣтку исключительнаго интереса.

Вслѣдствіе ея значительнаго объема, она будетъ напечатана въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ журнала.

Вас. И. Немировичъ-Данченко

Какъ я началъ свое писательство?

Семьдесятъ пять лѣтъ назадъ, а точно это было вчера. Длинные коридоры Кадетскаго корпуса, его громадные залы и по нимъ болтается вихрастый мальчуганъ, складывая рифмованныя строки. Темный карцеръ — мой первый литературный гонораръ. Будущему Фенимору Куперу — дешевле я не соглашался — еще не пробило пятнадцати лѣтъ. Стихотворить я началъ съ двѣнадцати. Да проститъ мнѣ Аполлонъ эти первыя попытки ходить по кремнистой литературной дорогѣ. Слава Аллаху, что отъ

— Способный мальчик. Очень способный... Двѣ недѣли карцера!.. Ты... Вы должны были испросить у меня дозволенія через ротнаго командира... Сейчас же послѣ обѣда. Разрѣшаю взять книги и постель, а обѣдать, милости просимъ ко мнѣ. Мои очень заинтересовались вами...

Бережь меня за плечо, ведетъ въ столовую. Какія — то барышни таращутся на смущеннаго малыша. Сѣдая дама — прямо въ мою стриженную голову золотой лорнетъ, пахнетъ вкусно горячими пирожками. У меня сосетъ подъ ложечкой.

— Вотъ вамъ новый поэтъ, получайте...

Послѣ обѣда молоденькая институтка пристала:

— Прочтите стихи... Да вы не краснѣйте. Ничего страшнаго... Я сама пишу. Только скверные. Никакъ рифмъ не могу.

Запинаясь, декламирую.

Немировичъ — вы Пушкинъ.

Я ей не повѣрилъ.

Двѣ недѣли карцера, но въ восхитительномъ обществѣ Смоллета, Фильдинга, Фенимора Купера, Дюмонъ Д-Юрвиля. — Первый гонораръ полностью, чего нельзя сказать о послѣдующихъ. О тѣхъ, которые черезъ два года значились мнѣ изъ убогихъ журнальчиковъ (имена же ихъ ты, Господи, вѣси!) по редакционнымъ книгамъ, но въ карманы мои не попадали. Тяжкое время, голодное и холодное... Въ петербургскія зимы иногда на улицахъ или въ засыпанномъ снѣгомъ Александровскомъ паркѣ, безъ крова. Этому, впрочемъ, уже посвящены нѣсколько моихъ воспоминаній. Къ счастью, несмотря на полновѣсные девяносто лѣтъ, память мнѣ вѣрна. И первые годы этой борьбы я вижу не сквозь закопѣлое стекло въ туманной дали прошлаго, а ярко и четко, точно я еще вчера ждалъ и не могъ дожидаться, когда зазвонятъ къ завтрашнему и я смогу обогрѣться въ мистическомъ сумракѣ ближайшаго храма. А затѣмъ первый мой настоящій успѣхъ у Г. Е. Благовѣтлова: стихи (псевдонимъ В. Славянской) въ «Дѣлѣ» и большіе очерки у Оксина. И вслѣдъ за тѣмъ «Отечественныя Записки» и «Вѣстникъ Европы» широко открываютъ мнѣ свои двери. Массы журнальчиковъ въ новогоднихъ объявленіяхъ публикуютъ мое имя и тотчасъ же первая эпиграмма Д. Минаева:

Когда себѣ желаете вы счастья
Вамъ надо объявить не менѣе ста разъ,
Что «Немировичъ — Данченко» у насъ
Не будетъ принимать въ изданіи участія.

Хотѣлось бы еще обо многомъ рассказать читателю, но редакция ограничиваетъ меня обязательнымъ размѣромъ воспоминаній и это не я, а она ставитъ къ нимъ точку.

Н. А. Тэффи

Какъ я начала свою литературную дѣятельность?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо «зарыться въ глубь вѣковъ».

Въ нашей семьѣ всѣ дѣти писали стихи. Писали втайнѣ другъ отъ друга стихи лирическіе, сочиняли вмѣстѣ стихи юмористическіе, иногда экспромтные.

Помню какъ сейчасъ: входитъ самая старшая сестра въ нашу классную комнату и говоритъ:

— Зубъ заострился, рѣжетъ языкъ.

Другая сестра уловила въ этой фразѣ сти-

Н. А. ТЭФФИ

хотворный размѣръ, подхватываетъ:

— Къ этой боли я не привыкъ.

Тотчасъ всѣ настраиваются, оживляются.

— Можно бы воскомъ его залѣчить,

Но какъ же я буду горячее пить?

— спрашиваетъ чей — то голосъ.

— И какъ же я буду говядину жрать? — раздается изъ другого угла.

— Вѣдь не обязаны всѣ меня ждать! — заканчиваетъ тоненькій голосокъ младшей сестры.

Стихи сочиняли мы всѣ. Конечно и я.

Но въ первый разъ увидѣла я свое произведение въ печати, когда мнѣ было лѣтъ тринадцать.

Это была ода, написанная мною на юбилей гимназіи, въ которой я въ то время училась.

Ода была чрезвычайно пышная. Заканчивалась она словами:

«И пусть грядущимъ поколѣніямъ,
Какъ намъ сіяетъ правды свѣтъ,
Здѣсь, въ этомъ храмѣ просвѣщенія,
Еще на много много лѣтъ».

Вотъ этимъ самымъ «храмомъ просвѣщенія» дома донимала меня сестра.

— Надя! Лѣнтяйка! Что — же ты не идешь въ свой храмъ просвѣщенія? Тамъ сіяетъ правды свѣтъ, а ты сидишь дома! Очень некрасиво съ твоей стороны.

Допекали долго.

Таковъ былъ мой самый первый шагъ на литературномъ поприщѣ.

Второй шагъ былъ таковъ: сочинили мы съ сестрой пресмѣшную пѣсенку о Фульскомъ королѣ, пародію на пѣсню Маргариты изъ Фауста.

Рѣшили ее напечатать.

Совсѣмъ сейчасъ не помню, что это была за редакция, куда мы пошли. Помню только, что надъ головой редактора висѣло на стѣнѣ птичье чучело.

Это, поразившее наше воображеніе обстоятельство, отразилось въ стихахъ:

Надъ редакторомъ висѣло
Птичье чучело
На редактора глядѣло
Глаза пучило.

Стихотворенія нашего редакторъ не принялъ и все спрашивалъ:

«Кто васъ послалъ?». А потомъ, сказали: «Передайте, что не годится». Очевидно не вѣрилъ, что двѣ испуганныя дѣвчонки, которыхъ ждала въ передней старая нянюшка и есть авторы.

Таковъ былъ мой второй шагъ.

Третій и окончательный шагъ былъ сдѣланъ, собственно говоря, не мной самой, а если такъ можно выразиться, за меня шагнули.

Взяли мое стихотвореніе и отнесли его въ иллюстрированный журналъ, не говоря мнѣ объ этомъ ни слова. А потомъ принесли номеръ журнала, гдѣ стихотвореніе напечатано, что очень меня разсердило. Я тогда печататься не хотѣла, потому что одна изъ моихъ старшихъ сестеръ Мирра Лахвицкая уже давно и съ успѣхомъ печатала свои стихи. Мнѣ казалось чѣмъ то смѣшнымъ, если всѣ мы полѣземъ въ литературу. Между прочимъ такъ оно и вышло. Кромѣ Мирры (Маріи), другая моя сестра, Варвара, подъ псевдонимомъ Мюргитъ, помѣщала свои очерки въ «Новомъ Времени» а пьесы ея шли въ «Кривомъ Зеркалѣ», а самая младшая, Елена, тоже оказалась авторомъ нѣсколькихъ талантливыхъ пьесъ, шедшихъ въ разныхъ театрахъ.

Итакъ — я была недовольна. Но когда мнѣ прислали изъ редакціи гонораръ — это произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе. Впечатлѣніе это я пожелала повторить и написала цѣлый фельетонъ въ стихахъ, въ которомъ съ веселой беззащитностью молодого языка, хватала зубами за самыя торжественныя ноги, шествующія по устланному вянущими лаврами пути.

О фельетонѣ заговорили. Кто смѣялся, кто возмущался, кто ликовалъ. Былъ «бумъ». Редакция попросила продолжать. Большая газета пригласила сотрудничать. Остальное ясно.

И. С. ШМЕЛЕВЪ

МОИ ДЕБЮТЫ

Замѣтки оперной пѣвицы

Моя артистическая жизнь — жизнь пѣвицы началась очень рано, и потому я не знаю, не сумѣю сказать, когда и который изъ дебютовъ считать первымъ, — Ихъ было такъ много.

Былъ ли это первый дебютъ, когда я, восьмилѣтнимъ ребенкомъ, провела соло «Травка зеленѣетъ, солнышко блеститъ», стоя на стулѣ, на елкѣ, будучи приготовишкой.

Но оваціи хорошо помню, и мое волненіе восьмилѣтняго ребенка тоже помню — были и тогда переживанія артистки.

Слѣдующій дебютъ 15-лѣтней гимназисткой — «Что мнѣ жить и тужить» Варламова пѣла на ученическомъ вечерѣ, казалось, въ первый разъ въ жизни предъ публикой.

Дебютъ въ Народномъ домѣ въ Москвѣ на Сергіевской въ прелестномъ театрѣ на окраинѣ. Театрѣ, гдѣ любили по настоящему искусство, работали во имя искусства и откуда вышли лучшіе оперные пѣвцы Россіи. Дебюты въ разныхъ городахъ Россіи.

Каждое первое выступленіе и даже просто каждое выступленіе артиста — пѣвца есть экзаменъ, есть дебютъ. Каждый разъ надо покорять, надо завоевывать, доказывать свое право, свое умѣніе творить и только тотъ артистъ идетъ впередъ, у кого живо это сознаніе колоссальной отвѣтственности — каждый разъ, при каждомъ выступленіи. Поэтому я и не могу писать о моемъ первомъ дебютѣ, потому что вся жизнь активного работника искусства — вѣчные экзамены, вѣчные дебюты.

А теперь хочу рассказать одинъ трагическій эпизодъ въ театрѣ на моемъ спектаклѣ.

Въ революціонное время, когда насъ посылали пѣть въ различные театры въ провинціи, пѣла я однажды для солдатской аудиторіи Розину въ «Севильскомъ Цирюльникѣ».

Въ тотъ періодъ мы часто имѣли дѣло съ аудиторіей, состоявшей исключительно изъ дѣтей или солдатъ. Нѣтъ труднѣе этой публики. Они воспринимаютъ все непосредственно, такъ, какъ видятъ и слышатъ — условнаго здѣсь ничего не можетъ быть — оно для нихъ непонятно.

Такъ вотъ я пѣла въ Иваново — Вознесенскомъ театрѣ «Севильскаго Цирюльника» для

солдатъ. Спектакль шелъ легко и весело. Во второмъ актѣ я начала свою арію «Въ полуночной тишинѣ» — знаменитую арію для пѣвицы съ большой техникой, которая мнѣ всегда удавалась. Я знала мою публику и считалась съ одной очень важной задачей — ни дѣти, ни солдаты не понимаютъ виртуозной техники въ пѣніи, то, что называемъ мы, русскіе, «каторатурой». Во время пѣнія предъ рафинированной и искусственной публикой всего міра, нужно и должно показывать чудеса техники, гаммы, трети и пассажи, и, чѣмъ лучше ихъ дѣлаемъ, тѣмъ больше чести. Не то предъ дѣтьми и солдатами — всѣ искусственныя украшенія, всѣ рулады вызываютъ у нихъ безумный, искренній смѣхъ, а у пѣвца, чувство страшной неловкости. Вотъ и пришлось мнѣ въ технической аріи стараться затушевать всѣ черезчуръ блестящія рулады — давать ихъ только въ мѣру.

Начала я арію — все шло гладко, все удавалось. Вдругъ начался въ залѣ тихій шорохъ смѣха, который все больше и больше усиливался по мѣрѣ того, какъ я продолжала мое пѣніе. Я чувствовала, что творится что-то неладное, но не понимала, чѣмъ вызванъ смѣхъ. Мы, артисты, воспитываемся въ дисциплинѣ, что во время спектакля насъ не должно ничего смущать.

Но тутъ было хуже. Было то, чего такъ страшно боятся французы. Было то страшное, что называется «быть смѣшнымъ». Толстой въ «Войнѣ и мирѣ» говоритъ, что, когда Наполеонъ подошелъ къ Москвѣ и ждалъ съ напыщеннымъ видомъ депутаціи изъ города, не зная, что всѣ жители покинули городъ и что онъ стоитъ предъ пустой столицей — его маршалы и свита боялись ему сказать объ этомъ, что ждать бесполезно.

Вотъ это то мое «смѣшное» положеніе и заставило меня покинуть сцену подъ разразившійся безумный смѣхъ моей публики.

Вбѣжавъ за кулисы, блѣдная, потрясенная, прежде всего я бросилась къ зеркалу, чтобы посмотреть, въ чемъ дѣло, въ порядкѣ ли мой костюмъ, мой гримъ. Все было хорошо. Слѣдомъ за мной влетѣлъ встревоженный, взволнованный распорядитель съ вопросомъ, отчего, почему я покинула сцену — остановила оркестръ и дѣйствіе?

— Какъ могу я пѣть, если они такъ хох-

МАРІЯ КУРЕНКО.

чуть, и почему этотъ хохотъ? — плача, спрашивала я.

— Да это же ничего, — смѣялся распорядитель. — Дѣло въ томъ, что съ самаго начала вашей аріи на сцену вышла кошка, которая живетъ при театрѣ, окруженная котятами, и по мѣрѣ вашего пѣнія, она и котята тихо окружали васъ, точно очарованные вашимъ пѣніемъ.

Я успокоилась и вышла на сцену, гдѣ мнѣ устроили оваціи, видно за мои переживанія, и спектакль благополучно продолжался и окончился, казалось, еще съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ всегда.

Марія Куренко.

И. С. Шмелевъ

«Какъ вы начали вашу литературную дѣятельность?»

Я уже писалъ объ этомъ въ рассказѣ: «Какъ я сталъ писателемъ»: гимназистомъ, сочинилъ я рассказъ «У мельницы» и отнесъ въ «толстый» журналъ — «Русское Обозрѣніе». Черезъ годъ, уже студентомъ, увидалъ свой рассказъ въ журналѣ, — Іюль, 1895 г. — и получилъ первый въ жизни гонораръ, 80 рублей; на нынѣшнія перевести — около 1200 фр.

Но начало моего писательства, если быть вполнѣ точнымъ, надо — бы отнести, кажется, къ 1890 г., — я былъ тогда пятиклассникомъ. Ваня Сахаровъ, сынъ арендагора нашихъ банъ, — о немъ у меня въ рассказѣ «Какъ я узнавалъ Толстого», — показалъ мнѣ, — на масленицѣ, помню: былъ я у него на блинахъ, — показалъ мнѣ юмористическій журналъ «Будильникъ». Тамъ было написано: кто пришлетъ лучшія двѣ строчки стиховъ о «Будильникѣ», тому дадутъ премію — 10 рублей. Были и еще двѣ преміи:

5 и 3 р. Ваня мнѣ и предложилъ: «давайте сочинимъ?». Онъ много сочинялъ. И показъ мнѣ, уже готовое, что — то, вродѣ, — «журналъ — не для потѣхи: всѣмъ достается на орѣхи». Мнѣ понравилось. Дома я сочинилъ такіе стихи: «Буди, буди, буди, «Будильникъ», Чтобъ жизнь была, а не могильникъ». Мы послали и стали ждать. Ждали долго. Вдругъ, прибѣгаетъ Ваня и кричитъ: «Вы — Злое Перо», по псевдониму, и вотъ, «Злому Перу», въ журналѣ напечатано!». И мы прочитали, — духъ у меня перехватило! — прочитали: «Дали бы второй призъ, и уже присудили, но!..» — помню я это «но», съ восклицаніемъ и многими точками, — «но!.. по независимости отъ насъ причинами стихи уснули могильнымъ сномъ, и какъ мы ни старались пробудить ихъ къ жизни, они неумолимы». Какая-то чепуха! Я махнулъ рукой но Ваня Сахаровъ отправился въ «Будильникъ», назвался «Злымъ Перомъ», и его тамъ встрѣтили съ почетомъ: угостили папирской, — онъ былъ парень рослый, — сказали: «стишки скончались, послѣ крестинъ», — и показали гран-

ку: «можете полюбоваться!». Онъ увидалъ мои стихи и на нихъ красный крестъ, чернилами; а подъ стихами написано краснымъ же: «Не «могильникъ» наша жизнь, а Божій даръ!!!» — три знака восклицанія, и что — то вродѣ извивающейся змѣи, — подпись? — «Бились — хлопотали, — говорятъ, — но цензоръ остался неумолимымъ». И подарили на память гранку. Я посмотрѣлъ на сѣрую длинную бумагу, удивился и возгордился: на такой длинной бумагѣ только одни мои стихи, двѣ строчки! Ваня Сахаровъ выпросилъ у меня эту бумагу: «Я, говоритъ, ее въ рамочкѣ повѣшу подъ стеклышкомъ, подари-те!». Я подарилъ. Потомъ видалъ ее въ рамочкѣ, рядомъ съ портретомъ Толстого. Это мое «начало» вскорѣ сгорѣло въ пожаръ вмѣстѣ съ Ваниной библіотекой и съ его знаменитымъ сочиненіемъ «Страшныя Цѣли — Оковы», которое «читалъ самъ Толстой», если вѣрить Ванѣ. Исторія со стихами меня раззадорила, я попробовалъ дальше, написалъ одну штучку... но и ее перекрестилъ цензоръ. Объ этомъ какъ — нибудь расскажу.

Редакція и сотрудники

Г. В. АДАМОВИЧЪ

В. А. АЗОВЪ

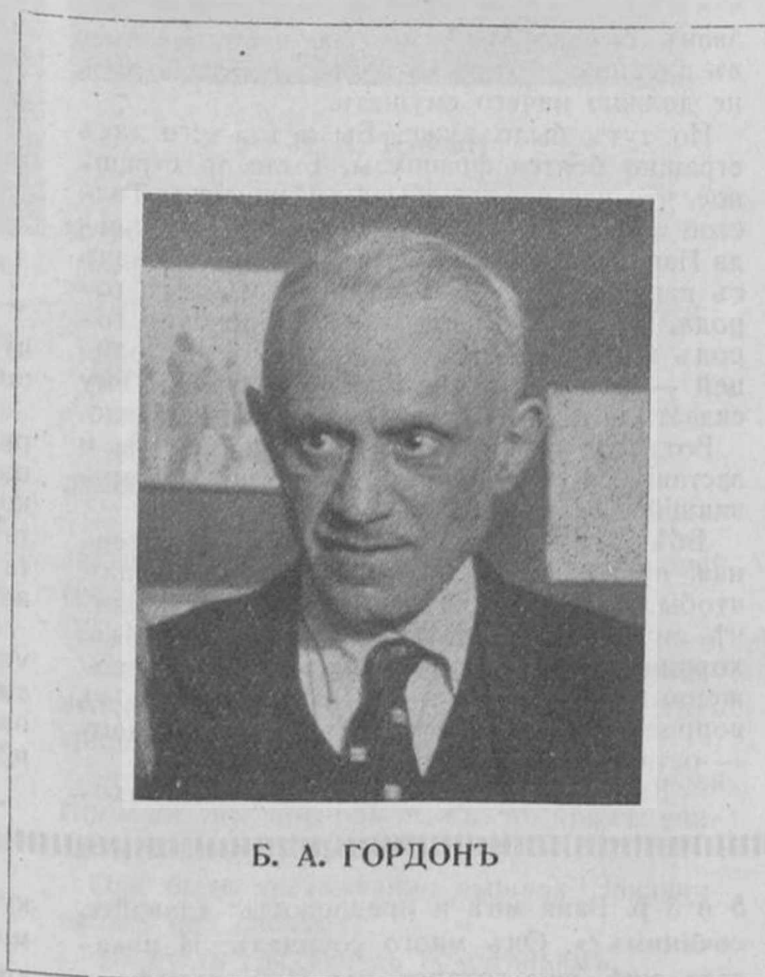
Н. Н. БРЕШКО - БРЕШКОВСКИЙ

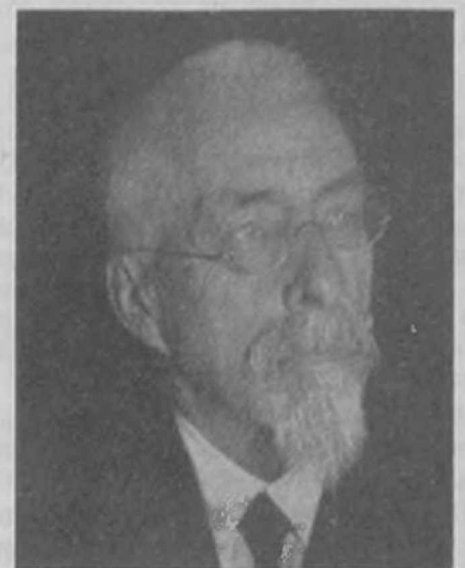
М. Л. БРОДСКИЙ

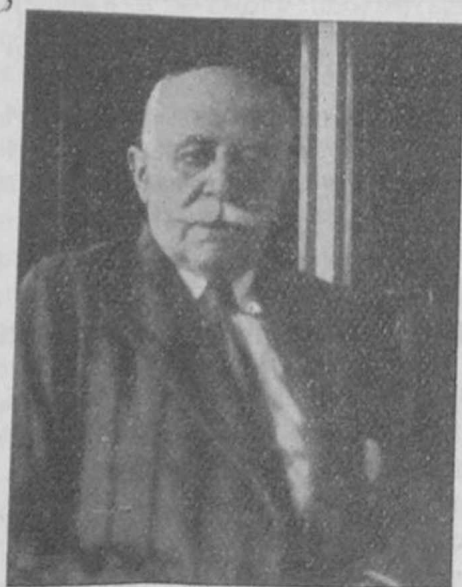
А. П. БУРОВЪ

Б. А. ГОРДОНЪ

В. Л. БУРЦЕВЪ

Л. Ф. ВОЛЬКЕНШТЕЙНЪ

А. А. ГЕФТЕРЪ

З. Н. ГИППУСЪ

В. ГУЩИКЪ

В. М. ДЕСПОТУЛИ

А. А. КАШИНА - ЕВРЕИНОВА

„Иллюстрированной Россіи“

А. П. ЛУКИНЪ

МАД

А. П. МАТВѢЕВЪ

Г. В. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО

Н. ПИЛЬСКІИ

Н. РЫБИНСКІИ

А. СѢДЫХЪ

Е. В. ТАРУССКІИ

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ВЪ ПАРИЖѢ

Домъ на 24, rue Clément - Marot, въ Парижѣ, въ которомъ помѣщается редакция и главная контора журнала

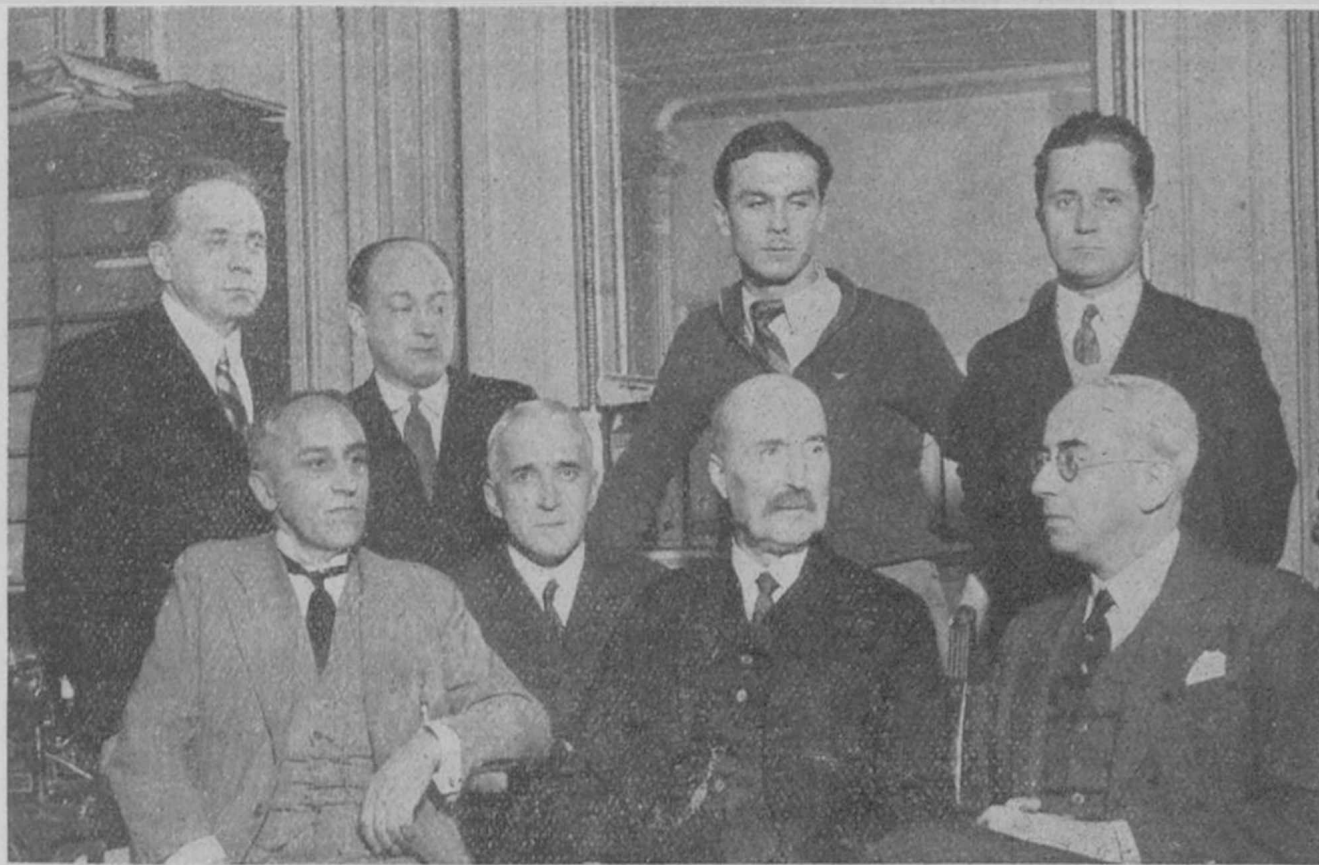

Фото Бродскаго.
Слѣва, въ верхн. ряду: Д. К. Овденко, Б. И. Виноградскій, П. Калягинъ, Н. Н. Черничинъ.
Нижній рядъ: И. В. Авдѣевъ, И. И. Скроцкій, П. С. Ширскій и Р. С. Левенсонъ.

LA RUSSIE ILLUSTRÉE
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССИЯ

8 декабря 1934 г.

Юбилейный
500-ый номер

Вниманію нашихъ читателей, покупающихъ «ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ РОССІЮ» въ кіоскахъ. Покупая, вы много переплачиваете. Подпишитесь съ разсрочкой, вамъ доставятъ на домъ, и обойдется много ДЕШЕВЛЕ.
(Условія подписки см. на стр. 24).

Ив. Шмелевъ

Какъ я покори́лъ нѣмца

РАЗСКАЗЪ МОЕГО ПРІЯТЕЛЯ

Раздавая намъ бальники за 2-ю пересадку, «Воронья Головка» насмѣшливо закончилъ: «и 27-ой, по-слѣдній... родителямъ на утѣшеніе, рѣшительно развратившійся лѣнтій.....» — и пустилъ вѣеромъ черезъ весь классъ, ко мнѣ. Бальникъ мѣтко попалъ мнѣ въ руки, и жирное «27» неотвратимо удостовѣрило, что я рѣшительно развратился.

— Не всѣмъ, конечно, быть Соколовыми... сколько кому отпущено... — продолжалъ «Воронья Головка» долбить меня носомъ въ голову, — но могъ бы и постараться... хотя бы пред-послѣднимъ!..

— Захотѣлъ бы — и первымъ былъ! — вызывающе крикнулъ я.

При общемъ смѣхѣ, надзиратель пригрозилъ вызвать меня на воскресенье.

Ничего удивительнаго не было: я не училъ уроковъ, читалъ запоемъ и писалъ историческій романъ изъ жизни XVI вѣка. Романъ начинался такъ:

«Зима 1567 г. выдалась люгая, какой не запомнятъ старожилы: налету замерзали галки. Въ одинъ изъ дней января, когда термометръ показывалъ 40 гр. мороза, по сугробамъ Замоскворѣчья пробирался вершникъ съ притороченной у сѣдла собачьей головой и метлой. Читатель догадывается, что это былъ опричникъ. Встрѣчные шарахались въ подворотни, а почуявшіе запахъ собрата псы яростно завывали по дворамъ...».

Дома сестра сказала ужаснымъ шопотомъ:

— Бо-же мой, ка-акъ ты па-алъ..!

И начала наставленіе о выработкѣ характера, иначе я потеряю уваженіе окружающихъ и докачусь до Хитрова рынка, какъ Евтюховъ, стоящій въ опоркахъ у Никиты Мученика, противъ Межевого Института, который онъ окончилъ съ золотой медалью! Я сказалъ, что вотъ же, и съ золотой медалью... Но она не дала сказать:

— Да... но съ тобой будетъ еще хуже! Ты превратишься въ жулика и, можетъ быть, даже въ каторжника!..

Я представилъ себѣ, какъ меня гонять по Владиміркѣ, въ кандалахъ, и всѣ грустно качаютъ головами: «и за что пропалъ! изъ-за какихъ-то аористовъ и «пифагоровыхъ штановъ!». Въ заключеніе, она велѣла мнѣ прочесть книги, которыя меня подымутъ, — знаетъ по опыту: «Характеръ», «Самодѣятельность» и «Трудъ» — Смайльса. Я прочиталъ ихъ залпомъ. Она не повѣрила и стала спрашивать. Я отхваталъ ей примѣры, какъ люди погибали, но, выработавъ волю и характеръ, поднимались на высоты славы. Она смягчилась:

— То-никъ... если ты только захочешь, ты не только не погибнешь, а сдѣлаешься человекомъ и полезнымъ членомъ общества. Ну, постарайся за 3-ю пересадку... ну, хоть 15-мъ!..

Я сказалъ, что буду 10-мъ даже, только трудно по математикѣ, и еще съ этимъ проклятымъ нѣмцемъ, который мнѣ никогда не ставитъ больше двойки. Она сказала, что по математикѣ мнѣ наймутъ репетитора, а по-нѣмецки займется она сама. Она, сама?! Она начнетъ съ самаго начала, по Кайзеру... съ «рычаніе льва устрашаетъ человека»!..

— Да, мы начнемъ съ самаго начала,

за всѣ классы, и ты увидишь! А это твое маранье... — и она показала мнѣ тетрадку съ моимъ романомъ, — помни: я изорву въ клочки, если ты не поправишься.

Я поклялся, что буду даже 8-мъ, — «только, ради Бога, не разорви!..».

Зять, межевой, привезъ инженера Евтюхова, прямо отъ Никиты Мученика, велѣлъ сводить въ баню, поприодѣтъ, — «и за четвертной этотъ геній сдѣлаетъ изъ него самого Лобачевского!». Смущенный, я смотрѣлъ на смущеннаго тоже Евтюхова: этотъ, низенькій и широкий, въ опоркахъ, съ клочьями ваты, выльзавшей изъ грязной кацавейки, съ напухшими глазами, головастый, курносый, лысый, похожій на Сократа... — инженеръ, съ золотой медалью? ге-ній?!..

Началъ онъ непонятно, съ самаго труднаго: съ «задачи о курьерахъ». Я взмолился, но онъ прохрипѣлъ мрачно: «это моя система! я потащу тебя въ необъятныя сферы мысли, и ты познаешь великое блаженство!». Я смотрѣлъ на его необъятный лобъ, на которомъ дышала жила, въ видѣ алгебраическаго знака — радикала.

И онъ такъ потащилъ меня, что математика стала для меня блаженствомъ.

— Жизнь..., — хрипѣлъ онъ, обдавая меня застрявшимъ въ немъ духомъ перегара, — грязь и свинство. Уйдемъ изъ нея въ необъятныя сферы мысли! — ты-каль онъ въ воздухъ циркулемъ. — Ка-

МАЛОКРОВІЕ

НЕВРАСТЕНІЯ, СЛАБОСТЬ

Сиропъ ДЕШЬЕНЪ на гемоглобинѣ
озстановитель крови, рекоменд. луч. врач